

В. В. Напольских. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М., 1991. (Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 5. Народы уральской языковой семьи). 189 с.

С появлением исследования В. В. Напольских в науке об уральских древностях, до сих пор развивавшейся в рамках лингвистики и отчасти — археологии и этнографии, создается новое перспективное направление. Очевидна оригинальность самого авторского замысла: в основу этногенетического исследования положены наблюдения над распространением и эволюцией космогонической мифологемы ныряния за землей; реконструкция и анализ вариантов этой и связанных с ней мифологем служат основанием для гипотетической генеалогии, и лишь на уровне интерпретации В. В. Напольских совмещает свои результаты с данными сравнительно-исторического языкознания, антропологии и археологии. Воплощен этот оригинальный замысел мастерски, с отточенной техникой фольклористического и этноисторического анализа.

Тем более существенным представляется то обстоятельство, что схемы и построения автора в основном согласуются с результатами, которых ранее удалось достичь лингвистическими средствами, в первую очередь — в рамках ностратики и связанных с нею теорий межсемейного родства и древнейших ареальных связей языков. Сходство той картины взаимоотношений между языками Северной Евразии и Северной Америки, которую предлагает языкознание, и той картины генезиса и распространения основного космогонического мифа, к которой пришел В. В. Напольских, определяется тем, что в обоих случаях мы имеем дело с достаточно изоморфным отображением реального хода этноисторических процессов: в каждом случае тождество, либо близкое сходство как языковых форм, так и мифологических сюжетов обусловлено феноменами прямой исторической преемственности этносов или особо тесной культурно-языковой связи между соседствующими этносами.

Основным материалом для исследования¹ служит приведенный в Приложении (с. 136—159) корпус выявленных автором мифов о ныряющей птице (МНП), т. е. космогонических мифов, содержащих три основные темы: акт ныряния за землей; добытие маленького кусочка субстанции, из которого затем вырастает суша; водоплавающая птица в роли ныряльщика. Корпус включает, в унифицированной системе подачи, изложение 71 мифологического текста, зафиксированного у народов уральской семьи (финны, карелы, мордва — эрзя и мокша, мари, коми — зыряне и пермяки, венгры, манси, ханты, ненцы, энцы, нганасаны) и неуральских народов (русские, юкагиры, эвенки, нанайцы, якуты, долганы, хакасы, алтайцы, буряты, кеты, североамериканские индейцы — сиу, абсарока, мэндэн, миннетари, дакота, арикара, черноногие, оджибве, шейенн, арапахо, западные моно, йокутс, мивок, майду, неветти, чипсайян). Исходный материал представлен в книге полностью, что обеспечивает контролируемость результатов исследования. Пожалуй, восприятие работы было бы облегчено, если бы в постоянных ссылках на этот корпус были применены вместо чисто условных сокращений значимые, например, вместо Д4 (четвертый мансийский вариант мифа) — Манс4. Целесообразно было бы дробить на разделы каждую из трех больших глав монографии — ориентироваться в ней, с учетом к тому же ограниченных технических возможностей малой полиграфии, не всегда легко и удобно.

Важнейшие выводы и гипотезы В. В. Напольских можно суммировать следующим образом:

1. Прауральским признается миф о ныряющей птице в его втором архетипическом варианте (МНП₂): по приказу демиурга или без такового на дно ныряет гагара, но не приносит земли, затем ныряет утка (или близкая ей птица) и приносит землю, из которой вырастает суша. Специфичность мифологемы в целом (ныряние, а не подъем, вычерпывание и т. п. земли; разрастание маленького добытого комочка) и данного ее варианта (неудача гагары и успех утки, которая в природе уступает ей в качестве ныряльщика) исключает возможность универсально-стадиального характера схождения между традициями.

2. Вторичным признается достаточно широко распространенный первый архетипический вариант (МНП₁), в котором ныряющая птица (утка или гагара) только одна. Подобная редукция сюжета тривиальна и могла иметь место независимо в различных традициях, исходяно располагавших МНП₂.

3. Представленный у западных финно-угров миф о творении из яйца — включая его дополненный вариант в «Калевале», где яйцо скатывается в море с колена демиурга Вяйнямейнена — трактуется как палеоевропейский, связанный с субстратной (экзоуральской) традицией. Особенно интересны в этой связи балканские параллели мифа о творении из яйца. Отметим, что проблему палеоевропейского субстрата западных финно-угров в целом В. В. Напольских специально рассматривает в другой своей работе², датируя смену палеоевропейского населения в Восточной Прибалтике индоевропейским (балты) и финно-угорским (прибалтийские финны) второй половиной II — первой половиной I тыс. до н. э.

4. МНП₁ и особенно МНП₂, спорадически представленные у славян, тюрков и некоторых других народов, могут иметь в конечном счете уральское происхождение. В пользу этого говорят и спорадичность мифа за пределами уральской семьи, и отчетливо уральский колорит такого действующего лица мифа, как гагара.

5. Первичным по отношению к прауральскому МНП₂, т. е. ранним доуральским, признается нулевой архетипический вариант мифа (МНП₀): на дно первичного океана ныряют по очереди различные птицы (или даже звери), но не приносят земли; успеха добивается последний, самый маленький и слабый из ныряльщиков, наделенный, по-видимому, нефизической силой. Данный вариант характерен для американских мифов.

6. Очень детально реконструируется основа прауральской космологии — «модель Север-Юг» с мировой рекой, которая течет с юга (ассоциированной с мировым деревом, контактом с небом, рожденьями) на север, в страну смерти. В рамках этой модели обнаруживается соотносительность гагары с севером, а птиц типа утки — с югом. Исключительно важным представляется сделанное в

этой связи замечание В. В. Напольских о том, что данная модель мироздания «могла сложиться у населения, жившего на берегах крупных рек (реки), текущих с юга, с гор на север, в холодное море» (с. 85). Этот космологический аргумент, несомненно, заслуживает введения в имеющуюся систему аргументов, которыми обоснована локализация уральской прародины в Западной Сибири (Обь с Иртышом) и, возможно, на крайнем северо-востоке (Печора)¹.

7. Предполагается, что трансформация МНП₀ в МНП₂ в доуральский период была обусловлена появлением у носителей мифа «модели Север-Юг» и сопряженных с нею представлений. Пожалуй, из всех тезисов этот наиболее уязвим для критики. Отсутствие следов модели в Америке недостаточно для констатации ее инновационного характера: в изменившихся географических условиях она могла быть просто утрачена. Что же касается мальтинско-буретского верхнепалеолитического населения, в котором В. В. Напольских видит вероятных носителей МНП и этнических (а отчасти и языковых) предков уральцев, юкагиров, северных представителей алтайской семьи (тунгусов) и североамериканских индейских групп (с. 127 и сл.), то в общем контексте данных об этом населении присутствие «модели Север-Юг» выглядело бы вполне естественным. Не снимает сомнений и довольно туманное примечание на с. 85 о «стадиально (а не хронологически) более позднем развитии Модели С—Ю и МНП₂ на базе более ранних представлений», тем более, что явления стадиального характера вообще с трудом могут служить основанием для этноисторических интерпретаций, и в остальных частях книги автор правомерно делает упор на хронологическое соотношение вариантов мифологии. Кроме того, в качестве реликта одной из стадий трансформации МНП₀ и МНП₂ В. В. Напольских указывает юкагирский миф или, скорее, фрагмент мифа (с. 88). Однако этот миф настолько примитивен и отдален от основных инвариантов МНП (рр.: Ворону, птичку и гагару Христос просит принести землю. Гагара ничего не принесла. Христос рассердился и сделал так, что гагары сносят яйца только на воде — с. 148), что в нем легче увидеть просто вырожденный вариант МНП₂, чем осколок древней традиции.

В целом на основе исследованного мифологического материала и с привлечением всех необходимых данных из смежных научных дисциплин в монографии изложена логичная и привлекательная концепция этно- и культурогенеза в гигантском североазиатско-североамериканском регионе, занятом общностью, для которой автор предлагает наименование «североазиатский мифологический союз (САМС)». Отраженная схемой на с. 129 (этногенетическим аналогом схем эволюции МНП), эта концепция: *a* — размещает в вершине генеалогического древа население мальтинско-буретской культуры и, возможно, ангаро-чулымской культурной области в Южной Сибири; *b* — признает преемниками этого населения население урало-западносибирской общности (по В. Н. Чернецову) в Западной Сибири и сумнагинской культуры в Восточной Сибири; *в* — рассматривает финно-угров и самодийцев как преемников населения урало-западносибирской общности, а юкагиров — как преемников населения сумнагинской культуры (и более поздних культур севера Восточной Сибири: сылаахской, белькачинской, ымыахтахской); *г* — связывает ряд индейских народов Северной Америки (калифорнийские пенути, алгонкино-мосанцы, сиу-ирокезы) с населением сумнагинской культуры и отчасти — непосредственно Мальты и Бурети; *д* — связывает с населением мальтинско-буретской, урало-западносибирской и отчасти сумнагинской культур этногенез тунгусов, а также урало-юкагирский (?) субстрат в составе тунгусов, тюрков, бурят, кетов. Разумеется, во всех случаях преемственность населения не означает обязательно прямой языковой преемственности, однако позволяет думать по крайней мере о тесных связях контактного характера, о присутствии слоя субстратных языковых явлений. С этой точки зрения представляется необходимым расширение сведений об уральско-тунгусских языковых взаимодействиях древнейшего времени⁴, и особенно перспективным — поиск лексических и иных реликтов «североазиатского прошлого» в индейских языках: в этом направлении лингвистикой сделаны лишь первые и не вполне уверенные шаги⁵.

Самим выбором объекта исследования монография В. В. Напольских провоцирует иронический вопрос: а не сооружен ли на основе космогонического мифа — миф этногонический? Но фундаментальность выводов и взаимная согласованность гипотез автора позволяют надеяться, что это не так и что перед нами — существенный реальный вклад в изучение древнейших генетических и контактных связей народов уральской семьи.

Е. А. Хелимский

Примечания

¹ См. также изложение основной проблематики работы в статье: *Напольских В. В.* Миф о возникновении земли в прауральской космогонии: реконструкция, параллели, эволюция // Советская этнография. 1990. № 1. С. 65—74.

² *Напольских В. В.* Палеоевропейский субстрат в составе западных финно-угров // *Uralo-Indogermanica*. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Ч. II. М., 1990. С. 128—134.

³ Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. С. 143—164.

⁴ См.: *Хелимский Е. А.* Самодийско-тунгусские лексические связи и их этноисторические импликация // *Урало-алтаистика*. Новосибирск, 1985. С. 206—213; *Futaky I.* Uralisch und Tungusisch // *The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences* / Ed. by D. Sinor. Leiden e.a., 1988. P. 781—791.

⁵ См.: *Хелимский Е. А.* Проблема границ ностратической макросемьи языков // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. Ч. 5. М., 1984. С. 41—42.